
Александр МЕЛИХОВ

НЕВИДИМАЯ МИРУ ТРАГЕДИЯ

Михаил Леонидович (Людвигович) Слонимский родился в Петербурге в высококультурной еврейской семье: дядей писателя был историк литературы Венгеров, а друзьями дома литературовед Пыпин и редактор «Вестника Европы» Стасюлевич, маленький Миша вроде бы даже запомнил хохот Владимира Соловьева.

Юноша вырос патриотом, после окончания гимназии добровольцем отправился на фронт. Был дважды ранен и контужен, пережил развал армии, убийства офицеров. После демобилизации два года проучился на историко-филологическом факультете Петроградского университета, послужил в Наркомпросе, в издательстве «Всемирная литература», стал обитателем «Дома искусств» — «Сумасшедшего корабля», воспетого Ольгой Форш, набирался мастерства под началом Замятина, Чуковского, Гумилева и Эйхенбаума, вошел в союз «Серапионовых братьев» и в 1922 году издал сборник рассказов «Шестой стрелковый».

Лежат перед стрелком Федосеем, выставив вперед подошвы, полковник Будакович, поручик Таульберг, подпоручик Ловля.

.....

Устали стрелки. Вышли с лопатами за деревню — рыть могилу. Но тяжело копать после дневной работы вязкую землю.

Стрелок Федосей поднялся с камня:

— В колодец их всех!

Стрелки обрадовались:

— Правильно!

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россось Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023).

И дружно приступили к работе. Один — за ноги, другой — за голову, колодец недалеко — бух! И нет офицера. Очищается земля перед стрелком Федосеем.

Круглый стрелок указал на полковника Будаковича:

— И этого в колодец?

— В колодец, — отвечал стрелок Федосей.

И ногами вверх бултыхнулся в колодец полковник Будакович вслед за другими.

Емельяевские мужики из этого колодца с тех пор воды не брали: возили из соседней деревни.

Но есть среди офицеров и отчаянные головы.

— Господин поручик, да убьют же вас!

— Не думаю, Точило. Может быть, но не думаю. Да это к делу не относится. Где это я портсигар оставил?

Поручик Архангельский рылся во френче, в брюках.

— Очень хороший портсигар. И притом подарок. Это я, должно быть, в роте оставил.

.....

Коридор казармы. Издали все слышнее шум. И вот конец коридора — помещение первой роты. Может быть, смерть. Поручик Архангельский вошел, и шум оборвался на полузвук, забился под нары, в углы — и стих.

— Братцы мои, я тут у вас, кажется, портсигар оставил. Не видели, братцы?

Двести глаз смотрели на офицера. Из чьего-то грязного кармана вылез портсигар. Чья-то рука молчаливо подала.

Мы можем управлять солдатами, только куда действует гипноз погон, разъясняет поручик наивной девушке. И вот он идет на свидание, а встречный солдат не отдает ему честь.

Поручик остановился.

— Эй ты, раззява! Ротозей!

Солдат тоже остановился. Рука поручика потянулась к кобуре. Кобуры не было у пояса. Револьвер и даже шашку он оставил дома.

Солдат вдруг подскочил к поручику, сорвал с его плеч погоны и кинул их в лицо офицеру:

— Погоди малость! Уберем вас, сволочей!

Он был гораздо сильнее поручика.

И вот поручик Архангельский остался один на пляже. Он не поднял сорванных с плеч погон. Это конец. Гипноз кончился. Вся сила ушла от поручика вместе с погонами.

Этой силы хватает только на то, чтобы застрелиться.

Гипноз кончился, и вырвалось на волю безумие — такой молодой «серапион» рисует революцию. Это не столько озверение, сколько одурение — странные, бредоподобные фигуры и события удавались раннему Слонимскому лучше всего. В дебютную пору Слонимский не уступал никому из «братьев», даже Зоценко.

Роман «Лавровы», написанный в 1926-м, переработанный в 1948-м и переизданный около двадцати раз, начинается эпично: «Борис Лавров, сын инженера, ученик восьмого класса Четвертой классической гимназии, летом 1914 года жил с родителями и братом на даче в Разливе и, как всегда, давал уроки. Он обучал кадетика в гене-

ральской семье». Индивидуальными характерами в «Лавровых» обладают исключительно неприятные персонажи: истеричка мамаша, безвольный простак папаша, а те, в ком заключаются пресловутые «ростки нового» — революционеры, не знают ни зависти, ни страха, ни тщеславия, ни сомнений, а потому безжизненны. К тому же они частенько изъясняются лозунгами («за нас правда, рабочая правда, народная правда»), а одна капля агитпропа способна убить лошадь художественности.

А что еще хуже — лозунгами иногда изъясняется и сам автор: «В кандалах и арестантских халатах пошли на каторгу подлинные патриоты», «Наступили первые дни великого Семнадцатого года».

И главный герой подводит итог романа такими словами: «Какое это счастье — менять жизнь к лучшему и самому становиться лучше вместе с ней».

В раннем изображении «первых дней великого Семнадцатого года», правда, еще встречаются фирменные гротесковые фигуры. Унтер Козловский с мирной дружеской улыбкой говорит перепуганному прапорщику: «Я тебя сейчас убью» — и, насладившись его ужасом, разбивает ему голову прикладом. И идет дальше, наслаждаясь теми недолгими часами, когда разрешается безнаказанно убивать.

Когда он узнает, что у Бориса умер отец, он радостно сообщает:

— И ты помрешь. Вниз головой в помойку свалишься. Я б людей не хоронил, а в помойку кидал бы — пусть воняют там. Папаша-то твой попахивает уже. Приду понюхать. Вчера Исаакиевский собор сгорел. Из камня сделан, а горел, как спичка. Это я поджег. А сегодня Казанский собор сожгу. А потом все церкви выжгу. Теперь всю Россию жечь надо, чтобы дым пошел. И мужиков жечь. Незачем они живут. Мужик горит долго, как хлеб, и дым от него идет желтый. А городской человек и без спички сам сгорает. Подымит Россия и провалится. На ее месте пустышка будет, дыра, а залатать дыру будет некому.

Бабы, заглядывающие в казарму отведать солдатского мяса взамен убитых и мобилизованных мужей, отзываются о нем так:

— Смехота! Такого и на десяток хватит!

Но эти рудименты дикой стихии уже ставит на место большевик Фома Клешнев:

— Изучайте Ленина. Ленин продолжил дело Маркса, Ленин осветил всему человечеству путь к счастью.

Хотя все-таки еще дается слово и мужику, для которого разговоры о социалистическом счастье такое же пустословие, как и речи о войне до победного конца. Но всех кроет своей идейностью Фома Клешнев, прямо-таки пародийный, начиная от имени-фамилии и заканчивая агитпроповскими монологами:

— Мы строим бесклассовое общество, и к нему мы идем через диктатуру пролетариата.

Однако автор хочет обольстить читателей еще и его внутренним миром: «Клешнев видел революцию в окружении богатеющих и смелеющих собственников, по которым еще не пришло время ударить как следует, и если допустить благодушию владеть собой, то здешняя ненависть, загнанная сейчас в подполье, к восторгу хозяев Запада вырвется и потащит революцию на фонарь, на трамвайный столб, к стенке»; «Воображая сцены разгрома революции, Клешнев крепил свою ненависть и осторожность и лишней раз убеждался в правильности своего отношения к людям: тот, кто с революцией, — хороший человек, тот, кто вне ее или против, — плохой».

И заключительный аккорд: «И ненависть ко всем жалеющим врага охватила Клешнева».

Евгений Шварц пронизательно заметил, что Слонимский после его сильного и оригинального дебюта понял, что эта его оригинальность до добра не доведет, и начал

притворяться нормальным. И так хорошо освоил эту роль, что обратился во вполне заурядного совписа.

В своем недавнем романе «Сапфировый альбатрос» я изобразил Слонимского под псевдонимом Второй Мишель глазами безжалостного насмешника, который не видит в этой истории самооскопления ничего, кроме приспособленчества. Но для меня судьба Слонимского — невидимая миру трагедия. Для него и ему подобных я нашел такой образ — альбатрос в курятнике.

В «Литературных заметках», написанных после смерти Сталина, когда уже никто за язык не тянул, Слонимский осуждает свою лучшую книгу «Шестой стрелковый»: «Мотив гибели превратился в мотив всеобщей гибели и вел к изображению сумбура, доходящего до фантастики, к некоторой алогичности в действиях персонажей». Зато «в социализме, в коммунизме — единственное спасение людей от всех несчастий и от возможности озверения. <...> Выше Ленина не знаю никого в истории». Так что погубил писателя не столько страх, сколько вера: ведь ленинизм был несомненно светской религией.

В статье «Михаил Зощенко» Слонимский написал, что поколение, к которому принадлежали и Зощенко, и он сам, на Западе было названо «потерянным поколением». Но «у нас в России революция спасла это поколение от судьбы наших сверстников, героев Хемингуэя, Ремарка, Олдингтона и других западных писателей».

Такому спасению не позавидуешь.

И все-таки лучшие страницы Слонимского достойны переиздания и перечитывания.